

- celebrations. a meeting of the Central Committee of the CPSU, Supreme Council of the USSR and the Supreme Council of RSFSR in the Kremlin Palace of Congresses. November 3-4, 1967]. Moscow, Politizdat Publ., 1967. 298 p. (In Russ.).
3. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti (GAKO) [State archive of the Kemerovo region (GAKO)], F. P-33, Op. 21, D. 1, pp. 148-176. (In Russ., unpublished).
 4. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti (GAKO) [State archive of the Kemerovo region (GAKO)], F. P-33, Op. 27, D. 1, pp. 76-99. (In Russ., unpublished).
 5. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti (GAKO) [State archive of the Kemerovo region (GAKO)], F. 1013, Op. 1, D. 1, p. 1. (In Russ., unpublished).
 6. Znamya kommunisty [The banner of the communist], 1921, no. 15, 12 marta (In Russ., unpublished).
 7. Kemerovskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey [Kemerovo regional museum of local lore], F. 3. Vospominaniya o S.M. Kirove uchastnikov revolyutsii 1905 goda v Kuzbasse (zhiteli st. Tayga. 1905–1907 gody) [Memories of S.M. Kirov of participants of revolution of 1905 in Kuzbass (inhabitants of St. Taiga of 1905-1907)], pp. 24-33. (In Russ.).
 8. Morozov N.M. Pokolenie Strannikov i ego mesto v istorii Rossii nachala XX veka [Generation of Wanderers and its place in the history of Russia the beginnings of the 20th century]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of the Kemerovo State Institute of Culture], 2018, no. 42, pp. 118-124. (In Russ.).
 9. Tayginskiy rabochiy [Taiginsky worker], 1972, no. 149, Dec 16. (In Russ.).
 10. Tayginskiy rabochiy [Taiginsky worker], 1991, no. 147, Dec 10. (In Russ.).
 11. Tsentri dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti (TSDNI TO) [Center of documentation of the contemporary history of the Tomsk region (CDNI TO)], F. 78, Op. 3, D. 1, pp. 100-106. (In Russ., unpublished).

УДК 008 (091)

НАЧАЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры монументально-декоративного искусства, живописи и искусствоведения, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, РФ). Email: murziha@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые вопросы формирования средневековой культуры народов Среднего Поволжья, ставшей основой для дальнейшего развития этнокультурных процессов в регионе. Автор считает, что главной проблемой в изучении истории культуры в рассматриваемом регионе является специфика источников, поскольку большая их часть является археологическими материалами. Письменные источники о народах края малочисленны, субъективны. Многие из них, например, русские летописи, являются просто записями событий в том контексте, который был интересен летописцам того или иного княжества. Очень немного аутентичных письменных данных. Сложившийся к концу XX века корпус источников изучался учеными разных направлений: археологами, историками, искусствоведом в национальных республиках Среднего Поволжья. Вместе с тем, общего взгляда на историю культуры народов всего региона в целом, так и не сложилось. Нами рассматриваются три периода истории культуры народов Среднего Поволжья эпохи Средневековья. Первый период – это культура хазарской эпохи Среднего Поволжья: VII – вторая половина X века. Второй период – это культура болгарской эпохи Среднего Поволжья: конец X – первая половина XIII века. Третий период – это культура золотоордынского периода Среднего Поволжья: вторая половина XIII – первая четверть XV века. Основой выделения периодов были как традиционные культурные доминанты, так и внесенные в это время в память культуры новые элементы с их культурными кодами.

Ключевые слова: периодизация, история культуры, Среднее Поволжье, болгары, Булгарская область Золотой Орды.

INITIAL PERIODS OF THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE CULTURE OF THE PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

Rudenko Konstantin Aleksandrovich, Dr of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Monumental and Decorative Art, Painting and Art History, Kazan State Institute of Culture (Kazan, Russian Federation). Email: murziha@mail.ru

The article discusses the key issues of the formation of the medieval culture of the peoples of the Middle Volga area, which became the basis for the further development of ethnocultural processes in the region. The author believes that the main problem in studying the history of culture in the region in question is the specificity of the sources, since most of them are archaeological materials. Written sources about the peoples of the region are few and subjective. Many of them, e. g., Russian chronicles, are simply records of events in the context of which the chroniclers of this or that principedom were interested. There are very few authentic written data. Developed by the end of the 20th century the corpus of sources was studied by scientists of different directions: archeologists, historians, art historians in the national republics of the Middle Volga. At the same time, a common view on the history of the culture of the peoples of the entire region as a whole did not work out. We consider three periods of the history of the culture of the peoples of the Middle Volga of the Middle Ages. The first period is the culture of the Khazar era of the Middle Volga region: the 7th – the second half of the 10th century. The second period is the culture of the Bulgarian epoch of the Middle Volga region: the end of the 10th – the first half of the 13th century. The third period is the culture of the Golden Horde period of the Middle Volga region: the second half of the 13th – the first quarter of the 15th century. The basis for distinguishing the periods was both, the traditional cultural dominants and the new elements introduced into the memory of culture with their cultural codes.

Keywords: periodization, history of culture, the Middle Volga region, Bulgars, Bulgar region of the Golden Horde.

Изучение истории культуры народов Среднего Поволжья насчитывает не один десяток лет. На основании разных источников к этой проблеме обращались историки, археологи, этнографы, искусствоведы, религиоведы. Отдельные сюжеты анализировались в разных хронологических координатах, в зависимости от тех направлений, в области которых они были обозначены (археологических, исторических, искусствоведческих). В целом они рассматриваются в рамках нескольких периодов. Первый охватывает первобытную эпоху (от 40 000 л. н. – первая половина I тыс. н. э.); второй – Средневековье, включая и начало Нового времени (со второй половины I тыс. н. э. до XVIII века), а третий – XVIII – начало XX века. Четвертый период приходится на XX век и последний, пятый – на начало XXI века, что соответствует периодизации, принятой в трудах по истории культуры [16].

Сложилось так, что основное внимание специалистов, изучавших темы, связанные с историей культуры народов Среднего Поволжья приходилось на XIX–XX века, как правило, в контек-

сте характерных этнокультурных особенностей конкретного этноса. Отдельно рассматривался средневековый период [15, с. 92–104]. При этом общие тенденции в историческом развитии культуры [16, с. 409–428] в целом не были выявлены. Особенно это касается ранних этапов этого процесса – древности и Средневековья (X – начало XV века). Настоящая статья должна восполнить этот пробел.

Проблема заключается в основном в характере источников. Информация о древних временах базируется в подавляющем большинстве случаев только на данных археологии. Методы археологического исследования позволили реконструировать общую канву исторического процесса [14; 2], что, впрочем, до сих пор не разрешило значительное количество принципиально важных вопросов этно- и культурогенеза народов региона. Более многочисленны источники по средневековой эпохе. Помимо археологии, появляются письменные сведения, изобразительные материалы, более разнообразны и разноплановы становятся археологические артефакты. Искусствоведческие

штудии 70–90-х годов XX века, также опиравшиеся на археологические реконструкции, на основе собственных исследовательских методов определили важные стилистические линии и сюжеты в искусстве народов края, но, как правило, в рамках локальной культурной парадигмы [1].

Письменные источники X–XV веков, в основном восточные, дают нам информацию о языке, обычаях, обрядах, но очень часто искаженную в результате использования непроверенных сведений, субъективных оценок, непонимания языка аборигенов и локальных культурных кодов [6, с. 320–322]. К этому стоит добавить, что путешественники, воочию наблюдавшие жизнь и культуру незнакомого им общества, были там очень недолго, да и нередко руководствовались определенными культурными стереотипами и штампами. Это особенно характерно для тех, кто непосредственно побывал на Средней Волге в ту эпоху, например, рассказ о путешествии и своих приключениях араба Ибн Фадлана (877–960) прибывшего к царю булгар в 922 году [11, с. 167–168].

Исходя из характера сообщений некоторых путешественников можно сомневаться в том, что они вообще были на Средней Волге, как, например, уроженец Марокко купец-путешественник Ибн Баттута (1304–1377), утверждавший, что он, якобы в 1334 году, приезжал в Булгар. Нам известно, что с X по XV век на Средней и Нижней Волге побывало семеро восточных и западноевропейских путешественников, оставивших письменные свидетельства об этом: Ибн Фадлан, Ал Гарнати, монах-францисканец Юлиан с товарищами, Плано Карпини, Гильом Рубрук, братья Поло, возможно, Ибн Баттута. Не исключено, что у булгар был и Ибн Хаукал в середине X века, судя по цитате из его труда приведенной Ал-Идриси [3, с. 120]. Из этих сообщений самые детальные – в «Рисале» Ибн Фадлана, хотя он был у булгар не более двух месяцев.

Не менее проблематичным в понимании оригинальности местных культурных паттернов является то, что многие распространявшиеся в регионе в XIII–XV веках литературные произведения и эпические предания являлись переработкой широко распространенных у христиан и мусульман мифологических и литературных сюжетов, но с использованием некоторых местных образов, трактовок и деталей, как в случае

с поэмой «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе») болгарского поэта начала XIII века Кул Гали. Эпические сказания, такие, как, например, «Едигей»/«Идиге», являются общетюркскими, и обнаружить единственный этнос, их создавший, практически невозможно.

Не менее сложно отделить локальное от универсального в искусстве народов края в древние эпохи, и особенно в период средневековых империй и государств, где господствовали общие тенденции развития художественных сюжетов, ареал распространения которых охватывал значительные территории Евразии, что было следствием активных этнокультурных контактов, сделавших данный регион единым пространством культурного обмена. При этом локальные особенности культуры разных этносов не только не исчезли, но в отдельных случаях получили серьезный стимул к развитию.

Периодизация истории культуры народов Среднего Поволжья строится на разработанной во второй половине XX века в российской науке методике этнокультурных исследований, в основе которой лежит обнаружение и изучение локальных (этнических) явлений материальной культуры через призму универсальных элементов культуры. Такая методика, применительно к определенной специальности, используется при анализе археологических и этнографических материалов, относящихся к различным народам региона, например, удмуртам, мордве, марийцам [13]. Специальное исследование этнокультурного взаимодействия народов Волго-Камья по археологическим материалам позволило наметить точки соприкосновения различных культурных явлений и выявить их особенности в XI–XIV веках [10].

Анализ материалов, показывает, что до второй половины I тыс. н. э. жизнь населения региона и развитие его культуры во многом зависела от внешних – природно-климатических факторов, которые стимулировали не только внутреннее развитие местных племен, но и сказывались на межэтнических контактах, включая и волны больших миграций. Своеобразное сочетание узколокальных, традиционных культурных основ и универсальных транснациональных явлений, формировавшихся на обширных пространствах Евразии в результате межэтнических контактов [4, с. 273–277], характеризует это время. Стоит

отметить еще два важных условия развития культуры в первобытную эпоху. Это территориальная отдаленность Волго-Камья от империй античного времени и отсутствие сильного влияния монотеистических религий – буддизма, иудаизма и христианства. Основополагающий базис греко-римской культуры в Западной Европе на Средней Волге отсутствовал. Отдельные артефакты, произведенные в ремесленных центрах античных цивилизаций или их периферии, достигавшие по торговым путям Волго-Камья [8, с. 226–231], особого влияния ни на ремесло, ни на искусство проживавших здесь народов не оказывали.

В научной литературе пути развития культуры Средневожского региона до эпохи раннего Средневековья, как правило, соотносятся с этапами археологической периодизации по условным археологическим культурам, и соответственно основной акцент в научных штудиях делается на изменения поселенческих археологических комплексов, погребального обряда и т. д., поскольку этнические интерпретации, как и варианты синтеза данных разных наук в рамках археологической парадигмы, достаточно противоречивы.

Когда речь идет о средневековом периоде (с середины I тыс. н. э.), ситуация **меняется кардинальным образом**, поскольку появляется возможность изучать не только отдельные источники и артефакты, обращая внимание на интерпретации культурных кодов, сформировавшихся в предшествующие периоды, а в большей степени анализировать как традиционные культурные доминанты, так и внесенные в это время в память культуры новые элементы (тексты), совершенно противоположные по своей сути ее имманентной организации. Это важно еще и тем, что внутренняя традиция культуры для их дешифровки не имела соответствующих кодов. Это прежде всего относится к внедрению в полиэтничную среду оседлых народов региона культурных текстов кочевников, принадлежавших к разным языковым семьям с их особыми мировоззренческими и жизненными кодами. Можно рассматривать следующие периоды в развитии культуры региона.

Период 1. Культура хазарской эпохи Среднего Поволжья (VII – вторая половина X века) начинается с прихода во второй половине VIII – первой половине IX века в Волго-Камье с юго-запада болгаро-хазарских племен, неволинских

с северо-востока и кушнаренковских с востока, что привело к коренному изменению этнической карты региона, перекодировке культурных доминант с постсарматского субстрата на финно-угорский и созданию предпосылок для особого социально-экономического, культурного, а затем и политического развития этого региона. Для этого периода характерно преобладание традиционной культурной парадигмы как пришельцев, так и коренного финноязычного населения, но и начала активных ассимиляционных процессов, затронувших в начале только мигрантов, но в конце периода коснувшихся и других народов края. Это привело в X веке к формированию новых культурных кодов, ставших результатом влияния государственной культуры Хазарского каганата, с одной стороны (статусные элементы костюма, инновации в культовой обрядности, распространение универсальных художественных образов и символов), и этнокультурных локалитетов, образовавшихся в рефугиумах автохтонных этнических сообществ (традиционные украшения, керамика, конская упряжь), с другой. Потестарный характер власти последних, в рамках хазарского государства создавал разные векторы развития системы управления территориями и культурных трансформаций, где получили распространение различные виды как монотеистических, так и языческих религий – христианство (несторианство, затем православие), ислам (с VIII века), манихейство, тенгрианство, многобожие поволжских финнов и многочисленные локальные культы, связанные с миром кочевой тюркской и угорской культур. Вместе с тем только в конце этого периода в болгарской конфедерации происходит закрепление новых культурных кодов – на основе мусульманской культуры и рунической письменности, совершенно не затронувших их соседей.

Период 2. Культура болгарской эпохи Среднего Поволжья (конец X – первая половина XIII века) связана с образованием государства Волжская Булгария (960-е – 1236 годы), что было связано с унификацией политической и экономической жизни, а также формированием определенного культурного единства народов, проживавших на государственной территории Волжской Булгарии и культурного фронта, распространявшегося на близлежащие территории. Основой этого явления была городская культура, разви-

вающееся сельское хозяйство, письменность на основе арабской графики и руники. Исламизация волжских булгар, длившаяся практически столетие (922–990-е годы), помимо усиления среди них восточных элементов культуры имела следствием и трансформацию отношений как с кочевниками, так и с оседлыми соседями – мордвой, марийцами, удмуртами, приведшую в XI–XII веках к фактической изоляции булгар от кочевого мира на постхазарском пространстве и разграничению с соседними финскими племенами. Однако новые культурные коды в сфере религии распространялись сверху вниз, что делало болгарскую культуру на протяжении этого периода синкретичной и в силу этого достаточно терпимой по отношению к другим религиям и проявлениям локальных обычаев и традиций. Аналогичная картина наблюдается и там, где новые культурные коды распространялись снизу вверх, как в случае с южно-сибирским (аскизским) пластом древностей [5, с. 63–70].

Также характерной чертой второго периода являлась активная болгарская культурная экспансия на территории, находившейся в зоне «жизненных интересов» булгар, вне пределов государственной территории – Посурье и Пермское Прикамье. Эта экспансия сопровождалась не только импортом ремесленной продукции в «колонию» и следом – художественных и технологических заимствований местными ремесленниками, но и формированием пласта местных копий и реплик болгарских изделий, вполне успешного их бытования и развития на местах как среди аборигенного населения, так и колониальной администрации.

Период 3. Культура золотоордынского периода Среднего Поволжья (вторая половина XIII – первой четверти XV века) связана с образованием огромной монгольской империи – Рах Mongolica – и быстрым складыванием новых культурных кодов, распространявшихся сначала среди завоевателей, оставшихся на захваченных территориях, а затем и среди покоренного населения Булгарии. Это было стимулировано созданием единого экономического, политического и культурного пространства Золотой Орды, с одной стороны, а с другой – катастрофическим сокращением населения после монгольских походов, а также включением поздних тюркских кочевников,

частично заполнивших на протяжении XIV века пустующие земли, в этническое пространство региона. Последнее явление оказалось важным фактором в культурной жизни, поскольку постулировало дуализм социальной и культурной среды.

Единое пространство культуры, характерное для Волжской Булгарии, было разрушено, замененное универсалиями имперской культуры и этнокультурным многообразием из групп мигрантов, расселявшихся самостоятельно (мордва) или депортированных из их родных мест (группы пермян). Последние быстро ассимилировались, создавая уникальные культурные явления отразившиеся, прежде всего, в материальной культуре (феномен «славяноидной» керамики второй половины XIV века) [7, с. 114–130]. Прослеживается и еще одно интересное явление на территории бывшей Волжской Булгарии – это деурбанизации и появление городов особого аграрного типа, чаще всего без укреплений, распространившихся на территориях, заселенных мордвой (Муранское и Сухореченское поселения), марийцами (Важнангерский комплекс), при наличии малого города обычного типа с традиционными деревоземляными укреплениями, как, например, Сюкеевское городище. Однако этот процесс не привел к дальнейшему развитию старых протогородских центров на Средней Волге на землях той же мордвы, буртас, марийцев и южных удмуртов. Если во второй половине XIII века их культура в целом сохраняла традиции домонгольского времени, то в XIV веке она подверглась нивелировке в рамках ордынской имперской парадигмы.

На протяжении этого периода не произошло сложения единой культуры региона, не оказалось доминирующего культурообразующего лидера в этой сфере, поскольку не образовался общий культурный и экономический базис, а активный импорт ремесленной продукции из нижневолжских и других центров ремесла, как и приток профессиональных мастеров с территории Рах Mongolica тормозил то, что осталось из творческого потенциала. Деструкция коснулась и других областей культуры: исчезает руническое письмо, в городскую среду проникает литературный персидский язык, распространяется буддийская и чжурчженско-киданьско-китайская символика, под влиянием языческого кочевого населения реализуются языческие культы. Данная тенденция

продолжилась в последней трети XIV – первой половине XV века в результате страшной пандемии чумы (с 1346 года) и политического коллапса 1360-х годов [12, с. 126–139]. Это привело не только к политической и социальной нестабильности, но и к явным тенденциям культурного раскола внутри населения Булгарского улуса, ставшего следствием общей тенденции автономизации (вплоть до суверенизации), отдельных областей и даже городов Золотой Орды, в частности Булгара и Джукетау. Здесь необходимо отметить усилившееся влияние кочевого мира, с учетом прямого присутствия кочевников в земле булгар с их культурным кодом [9, с. 189–211], полифонию отдельных культурных течений, включая христианскую традицию, языческие культы мари, удмуртов и мордвы. При этом городская элитная культура сохранила, с одной стороны, имперско-ордынский культурный код, а с другой – оказалась захвачен-

ной новой волной элитных украшений и предметов быта, изготовленных в мусульманских странах, вместе с их владельцами, оказавшимися на Средней Волге из-за политических столкновений в центральных областях Золотой Орды. О них мы можем судить по известнымкладам XIV–XV веков (например, Джукетаусский, Карашамский).

Таким образом, история средневековой культуры народов Среднего Поволжья представляет собой дискретный процесс, где линия преемственности совмещается или пересекается с инновациями, связанными как с природными или военными катаклизмами, так и с культурными экспансиями, либо включениями новых элементов и культурных кодов в результате торговых сношений или миграций. В той или иной степени это касалось всех этносов региона, а при наличии доминирующей культуры ее коды становились определяющими в развитии.

Литература

1. Валеева Д. К. Искусство волжских булгар (X – начало XIII века). – Казань: Таткнигоиздат, 1983. – 132 с.
2. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 1999. – 464 с.
3. Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. – М.: Вост. лит., 2006. – 328 с.
4. Король Г. Г., Наумова О. Б., Пузакова Г. С., Грешников Э. А. Вариативность декора средневекового художественного металла Саяно-Алтая (источники изучения проблемы традиционного и индивидуального) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. – Вып. 2. – С. 273–277.
5. Кызласов И. Л. Великий Сибирский путь в судьбе России // Средневековая археология евразийских степей: мат-лы Учред. съезда Междунар. конгресса. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – Т. II. – С. 63–70.
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. – 416 с.
7. Никитина Т. Б. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica. – 2006. – № 9. – С. 114–130.
8. Руденко К. А. Декоративно-прикладное искусство раннеананьинского времени (по материалам IV Мурзинского могильника в Татарстане, предварительный анализ) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: сб. ст. / под ред. В. А. Алёхина. – СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. – С. 226–231.
9. Руденко К. А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская Археология. – 2013. – № 2. – С. 189–211.
10. Руденко К. А. Этнокультурное взаимодействие народов Волго-Камья в конце X–XIV веке. По археологическим данным. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. – 682 с.
11. Руденко К. А. Элита Волжской Булгарии (X – начало XIII века): между Востоком и Западом (постановка проблемы) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: кол. моногр. / отв. ред. П. К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 167–198.
12. Руденко К. А. «Черная смерть» и судьба Булгарского улуса Золотой Орды (археологические свидетельства) // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI века) / ред. Р. Хаутала, И. М. Миргалеев. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – С. 126–139. – (История и культура Золотой Орды и татарских ханств; вып. 24).
13. Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: сб. ст. / под ред. М. Г. Ивановой. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1999. – 387 с.

14. Халиков А. Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. – Казань: Фолинат, 2011. – 336 с.
15. Хузин Ф. Ш. Болгарская цивилизация Восточной Европы и некоторые проблемы ее изучения // Научный Татарстан. – 2011. – № 3. – С. 92–104.
16. Шендрик А. И. Теория культуры: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Единство, 2002. – 519 с.

References

1. Valeeva D.K. *Iskusstvo volzhskikh bulgar (X – nachalo XIII veka) [Art of the Volga Bulgars (X – early XIII centuries)]*. Kazan, Tatknigoizdat Publ., 1983. 132 p. (In Russ.).
2. Goldina R.D. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda [The ancient and medieval history of the Udmurt people]*. Izhevsk, Udmurt University Publ., 1999. 464 p. (In Russ.).
3. Konovalova I. G. *Al-Idrisi o stranakh i narodakh Vostochnoy Evropy: tekst, perevod, kommentariy [Al-Idrisi about the countries and peoples of Eastern Europe: text, translation, commentary]*. Moscow, Nauka Publ., 2006. 328 p. (In Russ.).
4. Korol G.G., Naumova O.B., Puzakova G.S., Greshnikov E.A. Variativnost' dekora srednevekovogo khudozhestvennogo metalla Sayano-Altaya (istochniki izucheniya problemy traditsionnogo i individual'nogo) [Variability of the decor of the medieval art metal of the Sayano-Altai (sources for studying the problem of the traditional and the individual)]. *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii [Modern solutions to current problems of Eurasian archeology]*. Barnaul, Alt. University Publ., 2018, vol. 2, pp. 273-277. (In Russ.).
5. Kyzlasov I.L. Velikiy Sibirskiy put' v sud'be Rossii [The Great Siberian Path in the fate of Russia]. *Srednevekovaya arkheologiya evraziyskikh stepey: materialy Uchreditel'nogo s'ezda Mezhdunarodnogo kongressa [Medieval archeology of the Eurasian steppes. Materials Constituent Congress of the International Congress]*. Kazan, Institute of History Publ., 2007, vol. 2, pp. 63-70. (In Russ.).
6. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov [Inside the thinking worlds]*. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2014. 416 p. (In Russ.).
7. Nikitina T.B. K voprosu o kul'turnoy prinadlezhnosti «slavyanoidnoy» keramiki Mariysko-CHuvashskogo Povolzh'ya [On the question of the cultural affiliation of “Slavic” ceramics of the Mari-Chuvash Volga area]. *Finno-Ugrica*, 2006, no. 9, pp. 114-130. (In Russ.).
8. Rudenko K.A. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo rannean'aninskogo vremeni (po materialam IV Murzikhinskogo mogil'nika v Tatarstane, predvaritel'nyy analiz) [Decorative and applied art of the early Ananian time (based on materials from the IV Murzikha's burial ground in Tatarstan, preliminary analysis)]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami [Cultures of the Eurasian steppe and their interaction with ancient civilizations]*. St. Petersburg, IIMK RAN, Periferiya Publ., 2012, pp. 226-231. (In Russ.).
9. Rudenko K.A. Kochevniki v Bulgarskom Uluse Zolotoy Ordy (po dannym arkheologii) [Nomads in the Bulgar Ulus of the Golden Horde (according to archeology)]. *Povolzhskaya Arkheologiya [Volga River Region Archaeology]*, 2013, no. 2, pp. 189-211. (In Russ.).
10. Rudenko K.A. *Etnokul'turnoe vzaimodeystvie narodov Volgo-Kam'ya v kontse X–XIV veka. Po arkheologicheskim dannym [Ethnocultural interaction of the peoples of the Volga-Kama Area at the end of the X–XIV centuries. According to archaeological data]*. Saarbrücken, Palmarium Academic Publ., 2013. 682 p. (In Russ.).
11. Rudenko K.A. Elita Volzhskoy Bulgarii (X – nachalo XIII veka): mezhdru Vostokom i Zapadom (postanovka problemy) [Elite of Volga Bulgaria (X – early XIII centuries): between East and West (problem statement)]. *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii: kollektivnaya monografiya [Elite in the history of ancient and medieval peoples of Eurasia: a collective monograph]*. Barnaul, Altay University Publ., 2015, pp. 167-198. (In Russ.).
12. Rudenko K.A. “Chernaya smert'” i sud'ba Bulgarskogo ulusa Zolotoy Ordy (arkheologicheskie svidetel'stva) [“Black Death” and the fate of the Bulgar ulus of the Golden Horde (archaeological evidence)]. *Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoy Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI veka) [Epidemics and natural disasters in the Golden Horde and in adjacent territories (XIII–XVI centuries)]*. Kazan, Institute of History Publ., 2018, pp. 126-139. (In Russ.).
13. *Finno-ugry Povolzh'ya i Priural'ya v srednie veka [Finno-Ugric peoples of the Volga and Ural regions in the Middle Ages]*. Ed by M.G. Ivanovoy. Izhevsk, 1999. 387 p. (In Russ.).
14. Khalikov A.Kh. *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya [Fundamentals of the ethnogenesis of the peoples of the Middle Volga and Ural region]*. Kazan, Folinat Publ., 2011. 336 p. (In Russ.).

15. Khuzin F.Sh. Bolgarskaya tsivilizatsiya Vostochnoy Evropy i nekotorye problemy ee izucheniya [The Bulgarian civilization of Eastern Europe and some problems of its study]. *Nauchnyy Tatarstan [Scientific Tatarstan]*, 2011, no. 3, pp. 92-104. (In Russ.).
16. Shendrik A.I. *Teoriya kul'tury [Theory of Culture]*. Moscow, UNITY-DANA Publ., 2002. 519 p. (In Russ.).

УДК 008

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ¹

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музыкознания и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: legle@mail.ru

Культурологическое видение мира культуры базируется на двух аксиомах: признание и акцентирование культурного многообразия и тенденция к целостному, системному рассмотрению культурных феноменов. В статье дан анализ имеющихся подходов к музыкальной культуре с позиции ее системности. Исследователями часто не учитывается общий принцип, что каждый методологический подход и прием имеют свои ограничения, за пределами которых они становятся неэвристичными и даже вообще неприемлемыми. Можно утверждать, что вообще в применении к культуре надо учитывать ее уровневую структуру. И только некоторые из этих уровней имеет смысл рассматривать в системном ключе, а именно национальные и этнические культуры, основанные на достаточно четко исторически сформированной и очерченной системе ценностей данного субъекта.

По отношению к региональной музыкальной культуре можно лишь говорить об отдельных проявлениях системного характера. Но в общем достаточного уровня целостности она не достигает и не может достигнуть. Она недостаточно структурирована и выделена из окружения. И, естественно, это множество культурных феноменов не может восприниматься извне как некоторое единство. Региональная музыкальная культура, вследствие своей максимальной открытости, являет собой не систему, а, скорее, мозаику различных по происхождению, по социокультурным и этническим основам и проявлениям одновременных музыкальных феноменов и форм, связанных между собой лишь частично, но в большей мере вплетающихся в общую картину российской и, более того, мировой музыкальной культуры.

Соответственно описание музыкальной культуры региона не может носить строго логичного изложения субординационных и координационных связей, выделения системообразующих моментов и т. д. Оно будет максимально приближено к реальности, если эксплицирует не все, естественно, а наиболее яркие и специфичные формы и проявления музыкальной культуры данного региона в увязке (что составляет культурологический аспект) с общими условиями их возникновения и развития. Далее на эмпирическом материале демонстрируется заявленный тезис о все-таки имеющих место некоторых системных эффектах в сфере музыкальной культуры региона. Одним из ярких проявлений такого эффекта являются различные трансформации немецкой музыкально-певческой культуры в Кузбассе, оказавшейся после насильственного переселения в годы войны в инокультурном окружении.

Ключевые слова: региональная культура, системность музыкальной культуры, трансформация традиций.

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта РФФИ «Музыкальная культура Кемеровской области (1943–2018)» № 18-412-420002 p_a.